

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

Историческая память является сложным феноменом общественного сознания, представляя собой систему устойчивых представлений общества о прошлом, характеризующихся эмоциональностью, символичностью, ценностной окрашенностью, инерционностью. В то же время представления о прошлом могут меняться под влиянием социально-политических и ментальных сдвигов в обществе, развития образования, воздействия средств массовой информации. Изучение исторической памяти представляется актуальным прежде всего потому, что она составляет основу национального самосознания, определяющего развитие народа и государства. Историческая память непосредственно включена в систему политического сознания, так как содержит в себе своего рода «систему координат» в оценке настоящего и будущего: любые реформы и преобразования, любой вариант общественного развития обычно легитимизируется, объясняется и оправдывается событиями и явлениями прошлого. Прошлое существует в настоящем и проецируется на будущее в качестве неких положительных или отрицательных образов, поэтому историческая память является важной частью реального исторического процесса¹.

Каковы основные тенденции и характерные черты историографии исследований исторической памяти? Разработка данной проблематики опирается на теоретические достижения и поиски немецких и французских философов и социологов конца XIX – первой половины XX в. Тогда впервые стали исследоваться социальная функция памяти, ее особая роль в поддержании групповых идентичностей (расовых, национальных, политических), был поставлен вопрос о ее носителях и способах передачи². Достижением французской социологии явилась первая систематическая концепция коллективной памяти, развитая в трудах Мориса Хальбвакса, согласно которой коллективная память – это особая форма социально конструируемой и поддерживаемой индивидуальной памяти, изменяющаяся в зависимости от потребностей и связей внутри группы, в рамках которой она существует³. Поскольку в «живой памяти» прошлое постоянно пересматривается, то знание о нем возможно только через устойчивые образы и коммеморативные практики, т.е. через память, облеченную в «материальную» форму. Одной из характерных черт этой теории являлось также разграничение истории и памяти как двух способов обращения с прошлым: история выступает как обезличенное, «объективное», не подверженное социальному воздействию научное знание, разделяемое немногими, в то время как память принадлежит всему обществу. История начинается там, где перестает действовать активная социальная память, существование которой ограничивается несколькими поко-

¹ Пихоя Р.Г. Историческая память: социологическое исследование глазами историка (тезисы выступления) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 201.

² См.: Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 9-10.

³ См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 8-27; Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч. С. 9-10.

лениями⁴. Ведущая роль в меморализации прошлого принадлежит нормативной культурной памяти, которая представляет собой набор наиболее значимых для социальной группы традиций и образов прошлого, поддерживаемых и передаваемых из поколения в поколение с помощью специальных мнемонических приемов⁵.

Социологи и гуманитарии в своих исследованиях показали, что память о прошлом не только находится под влиянием, но и конституируется социальным контекстом настоящего. Лингвисты и специалисты в сфере коммуникации пришли к выводу, что «вспоминать – это значит прочитывать прошлое; такое чтение требует лингвистических (языковых) навыков, характерных для традиций объяснения и рассказа в данной культуре, и представляет прочитанное в нарративе, который своим значением глубоко связан с интерпретативными практиками сообщества, и это же относится к припоминанию собственного опыта»⁶.

Помимо речевых и письменных практик под влиянием антропологии стали изучаться так называемые инкорпорированные, прежде всего «телесные» практики, воплощающиеся в церемониях и ритуалах и рассматривающиеся как особая форма коллективного припоминания, в ходе которого участники возрождают и переживают заново значимые для них события с помощью «мнемоники тела» – жестов, поз, ритуалов, которые могут быть интерпретированы подобно языку или писаному тексту⁷.

Собственно историки присоединились к дискуссии о коллективной памяти достаточно поздно (конец 70-80-е гг. XX в.), когда под влиянием смены исследовательских парадигм началась «приватизация», или «де-дисциплинизация» истории, как охарактеризовал этот процесс один из виднейших специалистов в сфере методологии истории Ф. Анкерсмит. «Неожиданное господство понятия «память» в современном историческом сознании является наилучшим подтверждением «демократизации» или «приватизации», предмета истории, перехода от истории как общего предприятия к истории, создаваемой индивидуальными историками ... Перенос значения слова «память» на прежнее значение слова «история» – верный признак персонализации, или приватизации, нашего отношения к прошлому»⁸.

«Лингвистический» сдвиг, придавший памяти характер метаисторической категории, способствовал преодолению жестких дисциплинарных рамок в ее изучении, использованию инструментария из областей, традиционно считавшихся «формалистическими» – лингвистики, литературной критики, семиотики, антропологии. Одним из самых значительных произведений этого направления стало многотомное издание «Места памяти» под ред. П. Нора, в котором исследуется коллективная память Франции через ее репрезентацию в «памятных мес-

⁴ Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Цит. по: Там же. С. 12. (См.: Bukhurst D. Social Memory in Soviet Thought // D. Middleton and D. Edwards (eds) Collective Remembering. London, 1990. PP. 203-226; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston, 1984. Vol. 1-2).

⁷ Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти. С. 12 (См.: Connerton P. How Societies Remember. Cambridge, 1989).

⁸ Цит. по: Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти. С. 12 (См.: Ankersmit F. Historical Representation: Cultural Memory in the Present. Stanford, 2001. P. 153-154).

тах» – своеобразных точках пересечения, на которых складывается и концентрируется память сообщества.

Многие современные исследователи в начале 1990-х гг. (П. Берк, Й. Рюзен и др.) отказались от противопоставления истории и памяти, рассматривая их как близкие или параллельные феномены, являющиеся отражением исторической культуры общества, а академическую историю – как одну из форм памяти, которая может быть описана как «коллективная память в век науки», или верифицированная память. Выдающийся современный философ Поль Рикер по этому поводу отмечает: «коллективная память ... образует почву, где укоренена историография»⁹, «память – это матрица истории, поскольку она является хранительницей проблематики, касающейся репрезентативного отношения настоящего к прошлому»¹⁰. Главным референтом исторической памяти остается нация, хотя между индивидом и нацией имеется множество других групп¹¹. Согласно точке зрения А. Руссо в качестве носителя памяти можно рассматривать любой источник, предполагающий сознательное воспроизведение события в общественных целях. Коллективная память о событии формируется всеми представлениями о нем, сознательными или неосознанными, внешне или внутренне выраженными. Основные категории «носителей» – официальные, организационные, культурные и научные¹².

Исходя из понимания психологической сущности памяти как фиксации прошлого, содержащей его оценку¹³, необходимо подчеркнуть селективный характер исторической памяти. В процессе ее формирования и функционирования осуществляются оценка и отбор тех явлений, которые особенно важны и ценны для настоящего и будущего, что предполагает актуализацию восприятия прошлого социальным субъектом (народом, социальной группой, классом). В этом качестве память выступает в качестве механизма, обеспечивающего способность общества решать актуальные исторические задачи на основе сохранения значимых достижений, программ, ценностей культурно-исторической жизни и «забвению» того, что не может (не должно) быть востребовано. Эта функция предполагает использование предельно обобщенных, символических образов прошлого, которые становятся основой наиболее устойчивых национальных мифов и стереотипов, с помощью которых общество определяет себя во времени и пространстве, отношениях с внешним окружением.

В формировании исторической памяти о войне определяющее значение имеют представления о тех социокультурных ценностях, идеалах и интересах, которые защищались и отстаивались в ходе нее, ее жертвах и последствиях для народа. При этом поклонение жертвам, принесенным на алтарь справедливой войны, сохранение памяти о них не только является элементом национального самосознания, но и призвано сакрализировать / легитимировать власть, воплощающую отстаиваемые в ходе нее идеалы и интересы. Поражение в войне в кризисные периоды истории ставит под сомнение легитимность существующего режима и тех целей, которые отстаивались в ходе войны. Зримым материальным воплощением этой функции исторической памяти являются мемориалы, кото-

⁹ Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М., 2004. С. 103.

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ Там же. С. 551.

¹² Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 53.

¹³ Коган Л.Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург, 1994. С. 143.

рые, как пишет антрополог Кэтрин Вердери, «могут заново обозначить пространство и время, способствовать созданию и консолидации новых идентичностей и сакрализировать новые власти»¹⁴.

Манипулирование воспоминаниями и памятью представляет собой мощное орудие управления индивидуальным и общественным сознанием и инструмент господства. Соперничество различных версий коллективной памяти и ее символов нередко становится важной составляющей борьбы за политическое лидерство, спора о доминирующей системе ценностей и выбора эпизодов величия и гордости нации¹⁵. Характерна в этом отношении метаморфоза, произошедшая с памятью о Первой мировой войне. Воспринятая поначалу обществом как Отечественная, Великая и Народная, она оказалась впоследствии «забытой», вытесненной из исторической памяти Октябрьской революцией и гражданской войной, которые были призваны легитимизировать власть большевиков, а вместе с тем насилие и смерть. Были вытеснены все позитивные патриотические оценки войны, а героическим стало считаться не самопожертвование, проявленное воинами на фронтах войны, а действия большевистских агитаторов по разложению русской армии¹⁶. Военные и патриотические темы и процесс мемориализации, как отмечает Д. Орловски, были «зарезервированы» для героев и проектов нового режима, который, как было принято считать, «преодолеет» прошлое, историю, негативные коды царской России¹⁷. В официальной истории, навязываемой обществу и исторической памяти, «империалистическая» война была объявлена захватнической с обеих сторон и рассматривалась как незначительное явление по сравнению с революцией, жертвы которой оказались как бы в привилегированном положении по отношению к войне. Неудивительно, что не сохранилось ни больших, ни малых кладбищ павших в Первой мировой войне в противоположность мемориалам памяти победителей в гражданской войне. На месте Московского городского братского кладбища – Всероссийского мемориала войны 1914 г., где нашли упокоение солдаты, офицеры, военные врачи, братья и сестры милосердия, павшие на фронте или умершие позднее от ран, открытого 15 февраля 1915 г., после Октябрьской революции были захоронены жертвы расстрелов ЧК, в 1930-е гг. проложены улицы, разбит парк, а в 1950-е гг. построен кинотеатр с символическим названием Ленинград¹⁸.

Е.С. Сенявская отмечает, что ретроспективный образ войны становится, с одной стороны, фактом исторической памяти народа, а с другой стороны – предметом профессионального анализа разными специалистами (историками, военными, идеологами и политиками). «Если рассматривать войну в целом как элемент исторической памяти народа, то ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость постепенно со временем угасают. Идеологи, как правило, борются за соответствующее отражение конкрет-

¹⁴ Цит. по: Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloквиума. СПб., 1999. С. 53.

¹⁵ Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. С. 228.

¹⁶ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М. 1999. С. 53.

¹⁷ Орловски Д. Великая война и российская память. С. 54.

¹⁸ См.: Московское городское братское кладбище: Опыт биографического словаря. М., 1992. С. 3; Орловски Д. Великая война и российская память. С. 50.

ной войны в исторической памяти народа, так что ретроспективный образ войны становится одним из инструментов в решении текущих политических и идеологических задач. Наконец, ретроспективный образ войны становится одним из инструментов международной политики и дипломатии»¹⁹.

Каковы характерные черты исторической памяти о Второй мировой войне в Германии и России – основных участниках этого трагического события XX в.? Ее осмысление массовым сознанием немецкого общества в ФРГ прошло ряд этапов. Если в 1940-50-е гг. немцы рассматривали себя не виновниками преступления, а жертвами и побежденными в обычной войне, то впоследствии произошла перестройка культуры памяти и исчезла возможность сглаживания преступного прошлого²⁰. На это повлияли многие факторы: демократизация германского общества, судебные процессы над нацистскими преступниками, публицистические выступления интеллигенции, «исторические дискуссии» сер. 1980-х гг. и многое другое. Юрген Хабермас так написал о германской памяти после 1945 г.: «Нам пришлось научиться совместно противостоять прошлому, травмирующему наше сознание. То, что либеральная политическая культура смогла развиться в таком культурно высокоцивилизованном обществе, как Германия, только *после* Освенцима – это истина, которую трудно понять»²¹.

«Критическая, постнациональная ориентация культуры памяти с середины 1980-х гг., пишет немецкий историк Хельмут Кениг, – не оставалась больше уделом маргиналов, а была воспринята политическим классом. В этом отношении речь федерального президента Вайцзекера 8 мая 1985 г. в Бундестаге явилась знаковым событием. С высокой трибуны было заявлено что, с точки зрения главы государственной власти Федеративной Республики, критическое воспоминание о национал-социалистическом прошлом и о варварствах нацистского режима не подрывает коллективной идентичности ФРГ, а должно быть включено в ее нормативный фундамент»²². В то же время как в любом плюралистическом обществе в современной Германии конкурируют различные виды коллективной памяти. Целая волна новейших публикаций актуализирует события войны и представляет их с точки зрения немцев²³, а воспоминания о войне, память о Холокосте и память о сталинских преследованиях как конкурирующие интерпретации борются друг с другом за ограниченные ресурсы общественного внимания»²⁴.

В ГДР, как известно, процесс осмысления нацистского прошлого до 1989 г. не получил развития. В концепции образования ГДР исторический опыт сводился к антифашизму за счет отрицания и табуирования проблемы вины и вытеснения других вопросов, например, личного опыта²⁵.

¹⁹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. С. 52-53.

²⁰ Кениг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной республики Германии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 99-101.

²¹ Цит. по: Орловски Д. Великая война и российская память. С. 53.

²² Кениг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне... С.101-102.

²³ Например, роман «Траектория краба» Гюнтера Грасса (2002) и книга «Пожар» Йорга Фридриха (2002), споры зимы 2004-2005 гг., достигшие апогея в дискуссии об оценке бомбардировок Дрездена.

²⁴ Там же. 103; Йорг Эхтернкамп. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Там же. С. 86-87.

²⁵ Флакке М., Шмигельт У. Германская Демократическая Республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // Там же. С. 75.

В СССР катастрофа Второй мировой войны рассматривалась до конца 1980-х гг. в рамках официального дискурса прежде всего как советская победа над фашизмом, продемонстрировавшая преимущества социалистического строя, что выражалось в праздновании ее годовщин, церемониях поклонения памяти павшим, которые были призваны выражать не только общечеловеческие, но и идеологические и политические приоритеты и ценности советского строя. В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. в центре общественных и научных дискуссий были проблемы, ранее замалчиваемые официальной историографией, такие как репрессии в Красной армии накануне войны, причины неудач в начальный период войны, коллаборационизм, участь советских граждан, побывавших в плену, секретные советско-германские протоколы пакта о ненападении и другие. На место прежнего однообразия и однозначности пришло множество форм, мест и действующих лиц памяти о войне. Обществом были востребованы различные ее токования (и советско-коммунистические, и религиозные, и националистические, и либеральные, и фольклорные). Однако в главном отношении к войне не изменилось – подавляющее большинство населения России рассматривает победу над фашизмом, как и прежде, как самое значительное историческое событие XX века. Смысл войны рассматривается сегодня обществом прежде всего как борьба за свободу, независимость и само право на существование народов, в отстаивании которых СССР сыграл решающую роль. Для России эта война имеет особое, глубокое культурно-символическое значение как священная борьба за право на жизнь ее народов, по отношению к которым гитлеровская Германия вела войну на уничтожение. Всенародный характер Великой Отечественной войны отражает тот факт, что через армию в эти годы прошло 34, 5 млн. человек, то есть подавляющая часть взрослого дееспособного мужского населения страны, а цена победы (26,6 млн. жизней советских граждан) была поистине колоссальной²⁶. Поэтому победа в Великой Отечественной войне стала составной частью системы значимых ценностей россиян, «опорным образом национального сознания», важнейшим кодом культурной памяти.

Значимость победы, ее «символический вес» в общественном сознании и памяти россиян в последние годы возросли. С одной стороны, произошла эрозия прежних предметов гордости нации (революции, строительства социалистического общества и т.д.), с другой, в условиях переходного состояния современного российского общества победа в войне стала важнейшим элементом коллективной идентификации, одной из немногих интегрирующих точек национально-го самосознания²⁷.

Эти выводы обусловлены данными проводимых социологами и историками современных исследований исторической памяти россиян. Среди них своей основательностью выделяется межрегиональный научный проект челябинских и казанских историков, одной из целей которого стало исследование представлений и образов «века катастроф» в сознании и памяти современного российского общества²⁸. Оно показывает, что наиболее согласованной среди всех опрошен-

²⁶ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. С. 40.

²⁷ См.: Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. С. 50-52.

²⁸ См.: Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества. С. 228-241.

ных остается оценка Великой Отечественной войны, которая рассматривается большинством респондентов как «Великая», «Героическая» и «Освободительная». Несомненным является положительное восприятие победы в войне, которая видится как момент исторического величия и предмет гордости нации. Наряду с полетом Ю. Гагарина в космос окончание Великой Отечественной войны было единогласно признано старшим и средним поколениями самым радостным событием XX в. Даже публикации последних лет (значительная часть среднего поколения знакома с книгами В. Суворова) не повлияли на ее оценку. Принадлежность к событиям Вов влияет и на восприятие отдельных личностей (в том числе И. Сталина), особо высоко оценивается полководческий талант Г. Жукова, благодаря которому, по мнению многих, Советский Союз выиграл войну.

Каналы воздействия на формирование устойчивых кодов культурной памяти включают, по данным исследования, технику устной передачи (разговоры в семье), фильмы, книги (письменная и аудиовизуальная передача, чаще всего используемая властью). Сравнение материалов интервью с опросами о каналах формирования представлений показывают, что внедрение и массовизация аудиовизуальных средств на протяжении XX в. повлияли на господствующий стандарт контроля воспоминаний. Очень часто собственные воспоминания о событиях или представления о них, сформированные благодаря исторической науке, вытесняются более яркими и выразительными образами художественной литературы или кинематографа. Особая черта мнемонических техник всех поколений – редуцирование целостности и растянутости исторического процесса до отдельных образов и кодов²⁹. Другой чертой воспоминаний является ностальгия, характерная для обществ, переживающих перемены. Она подкреплена избирательной амнезией, когда травмирующие и «неудобные» воспоминания вытесняются³⁰.

Сходные данные были получены и в ходе других исследований, таких как ежемесячные репрезентативные опросы населения России, проводимые с 1991 г. ВЦИОМ, а с 2003 г. – аналитическим центром Юрия Левады³¹, а также социологического исследования, проведенного в 2001 г. Социологическим Центром РАГС при Президенте РФ³².

Историческая память о войне способствует осознанию молодыми людьми своей национальной идентичности. Так, в творческих работах (эссе «События Второй мировой войны в жизни моей семьи») студенты³³ рассматривают победу в Ве-

²⁹ Там же. С. 236-238.

³⁰ Однако «амнезия», как установили исследователи, может быть лишь временной, но не перманентной потерей коллективной памяти. В возвращении памяти о забытых или преданных забвению событиях прошлого большую роль призваны сыграть профессиональные историки.

³¹ См.: Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. С. 48-49.

³² Пихоя Р.Г. Историческая память: социологическое исследование глазами историка (тезисы выступления) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 194–201. Великая Отечественная война (наряду с реформами Петра I) была отнесена участниками опроса к числу наиболее значимых и вызывающих наибольший интерес событий отечественной истории, являясь единственным событием советской истории, оценка которого не претерпела кардинальных изменений³². При этом 72,3% опрошенных ответили, что отмечают День Победы как семейный праздник. О положительном восприятии этого события свидетельствует и то, что среди наиболее популярных деятелей был назван Г.К. Жуков, в пользу которого высказались 80,8% опрошиваемых (ср.: Сталин – 32,9%).

³³ Эссе было написано студентами I курса групп 14011, 14021 и 14041 Химико-технологического факультета УГТУ-УПИ в апреле 2005 г. по заданию автора статьи.

ликой Отечественной войне как заслугу старших поколений своего народа, обеспечившую возможность существования свободной Родины, самой жизни нынешних поколений россиян. Можно привести наиболее типичные высказывания, отражающие это понимание: «Это была война за Россию, Родину, а не за Советскую власть» (А. Девятьярова), «Народ отстаивал будущее свое и своих детей» (Ю. Белоусова), «Лишь благодаря нашим предкам я могу писать эти строки» (В. Загайнов), «Россия осталась непокоренной» (Е. Милькова), «Победа далась огромными жертвами, показала духовную силу советских людей» (Е. Плещева).

Для исторической памяти о войне на уровне индивидуального сознания характерны диффузность, противоречивость и многослойность. Это проявляется и в чертах кратковременной памяти, носителями которой являются непосредственные участники и свидетели исторических событий. Это выражается, например, в распространенности среди современников событий Второй мировой войны традиционного восприятия войны как стихийного бедствия, причины которого малопонятны, а последствия ужасны, а в индивидуальном сознании наших современников – в убеждении, что «мы не знаем правды о войне» (в мае 2001 г. на вопрос Центра Юрия Левады: «Знаем ли мы правду об Отечественной войне? – 68% опрошенных ответили: «думаю, что нет»), что контрастирует с социальным отношением к войне, интегрирующим большинство общества и закрепленным в символе Победы³⁴.

Система образования, кино и телевидение, средства массовой информации в целом остаются основными каналами формирования представлений о войне. Так, данные социологического исследования, проведенного в 2001 г. Социологическим Центром РАГС при Президенте РФ показали, что основными источниками знаний о войне являются учебники (70,3%), кинофильмы (60,3%), телепередачи (54,6%); далее по убывающей следуют мемуары и художественная литература (42,5%), журналы и газеты (40,9%), музеи и экскурсии (31,2%), рассказы старшего поколения (30,9%), специальная историческая литература (23,6%), радиопередачи (19,5%), семейные архивы (5,1%), другие (1, 7%)³⁵. Эти данные демонстрируют важность продуманной государственной политики в сфере образования и средств массовой информации в интересах сохранения исторической памяти о войне, формирования неискаженных представлений общества о прошлом, здорового национального самосознания. Важную роль в поддержании социально значимой исторической памяти о войне играют мемориальные церемонии и ритуалы, музейные экспозиции, рассказы ветеранов.

Историческая наука должна обратиться к изучению массового и индивидуального опыта войны в целях рационального переосмысления ряда ее проблем. Для изучения войны во всех ее проявлениях, истории военной повседневности активнее должна использоваться живая память ее участников. С этой целью могут быть более широко развернуты исследования с привлечением материалов и методов устной истории, потенциал которых сегодня как никогда велик.

³⁴ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. С. 48-49.

³⁵ Пихоя Р.Г. Историческая память. С. 194–200.